

ПОВСЕДНЕВНОСТЬ ОТДЕЛЬНЫХ СОЦИАЛЬНЫХ ГРУПП

УДК 331.526(470)"185/192":82-94

ГРНТИ 03.23.31: История России Нового времени (XVII–XIX вв.)

М.С. Трегубова

«Мужская профессиональная занятость» во второй половине XIX – начале XX в. на страницах дворянских мемуаров

В статье дается описание карьерного пути мужчин-дворян во второй половине XIX – начале XX в. Представлены мотивы выбора определённой профессиональной занятости. Исследуется роль карьеры в жизни дворянина. Для молодого дворянина выход во взрослую жизнь обуславливался выбором определённой сферы деятельности и обеспечения своей семьи. Несмотря на то что дворяне оставались первенствующим сословием в империи, каждый из них задавался вопросом о своем жизненном предназначении. Экономическая ситуация после отмены крепостного права вынуждала дворянство искать новые пути для получения доходов. На примере представленных биографий можно выявить, какое место профессиональная занятость играла в жизни мужчины того времени. На выбор будущей профессии влияло несколько факторов: семейные традиции, личные предпочтения, образование, финансовая составляющая. Для каждого из представленных мемуаристов профессиональное становление сопровождалось серьезными эмоциональными переживаниями.

Ключевые слова: дворяне, карьера, служба, профессиональная занятость, воспоминания, мужской мир, повседневность.

Marina S. Tregubova

«Male professional employment» in the second half of the XIX – early XX century on the example of the nobility memoirs

The article describes the career path of noblemen in the second half of the XIX – early XX centuries. The motives for choosing a certain professional employment are presented. The author examines the role of career in the life of a nobleman. For a young nobleman reaching adulthood was determined by the choice of a certain field of activity and providing his family. Despite the fact that the nobles remained the dominant estate in the empire, each of them wondered about their life purpose. The economic situation after the serfdom abolition forced the nobility to look for new ways to generate income. On the example of presented biographies the role of professional employment in the life of a man of that time can be identified. Several factors influenced the choice of

the future profession: family traditions, personal preferences, education, financial component. Serious emotional feelings accompanied each of the represented individuals at the stage of their professional development.

Key words: nobles, career, service, professional employment, memories, male world, everyday life.

Вызванные крестьянской реформой процессы экономической перестройки дворянского хозяйства, помимо прочего, способствовали более активному вовлечению дворян в широкий круг всевозможных профессиональных занятий [1, с. 110]. Чрезвычайно сложным для большинства дворянских семей стал пореформенный период. Помещики не смогли приспособиться к новым, рыночным отношениям, теряли земли, закладывали и перезаклаживали усадьбы [2, с. 12]. Из-за узости рынка сбыта и неразвитости кредитно-денежных отношений прибыли от коммерческой деятельности были в основном скромными и редко могли заинтересовать представителей высшего сословия, ранее получавших значительные доходы от имений и службы [3, с. 16].

В этот период дворянство активно вовлекалось в погоню за прибылью. На смену рыцарскому этосу в эпоху капитализма и власти денег в России приходит буржуазный этос: людям благородного происхождения было уже не стыдно заниматься предпринимательством, приносящим значительные доходы. Этикет же был призван пропагандировать новую культуру с ее главной добродетелью – трудолюбием [4, с. 180].

С ростом профессионализации в ходе модернизации к концу XIX в. в среде дворянства изменилось восприятие творческих профессий как условного инструментария, с помощью которого можно было зарабатывать себе на хлеб. В результате обезземеливания и оскудения дворяне вынуждены были искать оплачиваемые должности [4, с. 182].

Осознавая невозможность сохранения прежнего образа жизни, наиболее социально мобильная и экономически активная часть высшего сословия обратила внимание на коммерческую сферу. Этому во многом способствовало наличие у представителей нобилитета значительных материальных средств, полученных в виде выкупной ссуды за переданную крестьянам землю [3, с. 17]. Дворяне-предприниматели представляли собой наиболее успешно приспособившуюся к новым условиям часть российского нобилитета в тот период [3, с. 3]. Второй по значимости и по престижу сферой деятельности для мужчин-

дворян была дипломатическая карьера. Из общего числа служащих Министерства иностранных дел 15,6 % были представителями высшей аристократии, 61 служащий из 391 принадлежал к высшим сословиям российского общества [5, с. 151].

В качестве основного документального источника по данной теме выступают воспоминания мужчин-дворян второй половины XIX – начале XX в. Представленные авторы относились к привилегированному сословию, но каждый из них отличался друг от друга в экономическом, имущественном и культурном плане.

На примере отобранных биографий можно проследить, как складывалась профессиональная деятельность представителей дворянского сословия в обозначенный период.

Целью данной статьи является характеристика профессиональной занятости среди дворян второй половины XIX – начале XX в.

Тема повседневности определённых социальных категорий является в настоящее время достаточной актуальной. Экономическое положение дворянского сословия изучено отечественными историками довольно подробно, однако исследователи детально не раскрывают особенности профессиональной занятости. Одна из наиболее ранних работ, в которой представлены изменения, произошедшие с дворянством после отмены крепостного права, исследование А.П. Корелина «Дворянство в пореформенной России 1861–1904» [6]. В ней автор приводит статистические данные, особенности экономического положения, а также анализирует этапы чиновничьей и военной службы. В работе М.А. Салищева «Предпринимательская деятельность потомственных дворян Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв.» дается подробная характеристика предпринимательской деятельности дворянства. Исследователь утверждает, что интерес высшего сословия Петербурга к предпринимательству возрастал на протяжении всего пореформенного периода [3]. Основные аспекты повседневной жизни чиновников МИД отражены в статье А.Е. Жуковой «Особенности повседневной жизни служащих Министерства иностранных дел России второй половины XIX – начала XX в.» [5]. В ней автор раскрывает сложный и многосторонний характер жизни и деятельности чиновников, входящих в личный состав центральных учреждений министерства.

Происходившая в исследуемый период профессиональная специализация независимо от сословной принадлежности свидетельствовала о размывании границ между сословиями. В качестве возможных, вполне приличных для дворянина рассматривались не только интеллектуальные, творческие профессии, а также предпринимательская деятельность (занятие торговлей, промышленностью) [4, с. 182].

Анализ изученных мемуаров свидетельствует, что на выбор будущей профессии представителя привилегированного сословия влияло несколько факторов: 1) семейные традиции; 2) личные предпочтения; 3) образование; 4) финансовая составляющая.

Для большинства молодых людей выбор «своего профессионального пути» был связан с серьезными эмоциональными переживаниями. Одним из ярких тому примеров могут служить воспоминания общественного деятеля, земского статистика, князя Владимира Андреевича Оболенского (1869–1950). Представителя богатой дворянской фамилии после окончания физико-математического факультета Санкт-Петербургского университета в 1891 г. тревожили вопросы: «Куда деваться? Что делать? Нужно избрать какую-то определенную деятельность, в которой можно, в соответствии со своими способностями, принести наибольшую пользу» [7, с. 101].

Схожие тревоги были и у известного предпринимателя из баронского рода Врангелей Николая Егоровича (1847–1923), который, вернувшись в Россию после учебы за рубежом в 1868 г., долго не мог выбрать определённую сферу деятельности: «Оставив государственную службу, я многое перепробовал, прежде чем нашел что искал» [8, с. 79].

Традиционные устои оставались сильными в наиболее знатных дворянских семьях. То, чем занимались предки, было в них предпочтительно и для следующего поколения. Так, уже упомянутый барон Н.Е. Врангель вспоминал: «Традиции нашей семьи военные, а традиции что не говорите, входят в кровь. Мы насчитываем в наших рядах пять фельдмаршалов, многих боевых генералов и офицеров, и потому военное ремесло и прежде приходило мне на ум» [8, с. 100]. Однако, как ни пытался барон связать свою жизнь с военным делом, его профессиональный путь сложился иначе, в течение своей карьеры он поднялся до позиций председателя и члена советов правлений круп-

нейших акционерных обществ, занимавшихся золотодобычей и нефтедобычей [3, с. 19].

На выбор карьеры известного генерала от кавалерии, генерал-адъютанта и военного педагога Алексея Алексеевича Брусилова (1853–1926) повлиял пример его предков. Известно, что прадед Алексея Алексеевича – И.И. Брусилов являлся вахмистром и полковым аудитором в армии Петра I, дослужился до чина поручика и капитана. Его дед Н.Н. Брусилов окончил сухопутный шляхетский корпус, служил в войсках и вышел в отставку секунд-майором, а отец – А.Н. Брусилов почти всю жизнь посвятил военной службе, отличился в войне 1812 г., заграничных походах, служил на Кавказе и закончил службу генерал-лейтенантом [9, с. 102]. Помимо этого, на будущего военного деятеля оказали влияние детские впечатления: «Самым главным впечатлением моей юности были, несомненно, рассказы о героях Кавказской войны, многие из них в то время еще жили и бывали у моих родных» [10, с. 12].

При выборе сферы деятельности немалую роль играли и личные предпочтения дворянина. Так, дипломат Юрий Яковлевич Соловьев (1871–1934) ещё в детстве определил свой карьерный путь: «Выбор заграничной деятельности мной был сделан уже давно, и я мальчиком усердно изучал иностранные языки – французский, немецкий и английский» [11, с. 182]. В дальнейшем мемуарист в 1893 г. поступил на службу в МИД и был причислен к Азиатскому департаменту. Его дипломатическая карьера сложилась успешно: в 1895–1898 гг. он был 2-м секретарем миссии в Пекине, в 1898–1905 гг. служил при миссии в Афинах, а в 1906–1908 гг. являлся 1-м секретарем миссии в Бухаресте, в 1908–1909 гг. – управляющий бюро печати МИДа, в 1909–1911 гг. 1-й секретарь миссии в Штутгарте [12, с. 4].

А для военачальника и генерал-лейтенанта Александра Сергеевича Лукомского (1868–1939) детские воспоминания стали определяющими для выбора военного дела: «Детские переживания во время войны 1877–1878 гг. в значительной степени повлияли на мою дальнейшую карьеру. Отец хотел меня отдать в реальное училище, чтобы я подготовился к высшему техническому учебному заведению и был впоследствии инженером. Я же, охваченный воинственным пылом, умолял отдать меня в военную гимназию. Мне же было совершенно безразлично, в какой город, в какую гимназию – лишь бы она была во-

енной» [13, с. 117]. В последующем Лукомский дослужился до высших военных званий: поручик 1891 г., штаб-капитан 1897 г., капитан 1899 г., подполковник 1903 г., полковник 1907 г., генерал-майор 1910 г., являлся видным деятелем Белого движения, а также одним из организаторов Добровольческой армии [13, с. 90].

Для будущей карьеры определяющим фактором служило и полученное образование. Успех в жизни молодого человека напрямую зависел от наличия у него достаточных умений и навыков в выбранной (конечно, не им самим, а его родителями) сфере. Исходя из этого, подготовкой будущего «военного» или будущего «штатского» начинали заниматься с возраста 10–11 лет. Эта подготовка могла осуществляться несколькими путями: отправкой мальчика в закрытое учебное заведение, поступлением в школу открытого типа, наконец, домашним образом, под руководством одного высококвалифицированного гувернера или целого штата учителей [14, с. 123].

Так, генерал от кавалерии и военный министр Владимир Александрович Сухомлинов (1848–1926) вспоминал: «После возвращения из-за границы меня и брата стали готовить к поступлению в кадетский корпус. В 1861 году мы оба прибыли в Вильно и были приняты в Александровский кадетский корпус. В 1866 году, согласно моему желанию, я был переведен в Николаевское кавалерийское училище. Это военно-учебное заведение дало русской армии немало деятельных генералов, а лично для меня – нескольких выдающихся сотрудников из различных областей деятельности» [15, с. 15]. Сухомлинов сделал блестящую военную карьеру : от чина штабс-капитана до военного министра, в течение 12 лет возглавлял офицерскую кавалерийскую школу, повлиял на развитие и усовершенствование техники кавалерийского дела в русской армии, им был написан ряд учебных пособий и рассказов, также он сотрудничал с крупными военными журналами и газетами того времени: «Разведчик», «Военный сборник» и «Русский инвалид» [16, с. 12–20].

Уже упомянутый генерал-лейтенант А.С. Лукомский вспоминал, как при содействии императора Александра II был определен в Симбирскую военную гимназию: «это время являлось одним из лучших воспоминаний моей юности, что и определило мою карьеру» [13, с. 12].

К ученой карьере дворянское сословие всегда относилось с уважением. Средние и мелкопоместные дворяне, испытывая экономические трудности, шли в науку. Prestиж научно-преподавательской деятельности повышался благодаря достижениям русских ученых, получивших широкое признание за границей, хотя этот род деятельности не приносил особых благ и не давал быстрой карьеры [17, с. 182].

Вот как описывал свой научный путь известный русский политический деятель, историк и публицист Павел Николаевич Миклюков (1859–1943): «Меня отличали и в гимназии, и в университете. Передо мной открывалась безоблачная будущность. Преподавание было живое дело, и оно меня очень заинтересовало. Мне посчастливилось сразу, со студенческой скамьи, получить несколько преподавательских мест. Я получил класс истории в четвертой женской гимназии – и сохранял его в течение одиннадцати лет, отделявших окончание университета от высылки из Москвы. Затем я взял уроки истории в Земледельческом училище на Смоленском бульваре. Наконец, временно мне передали уроки по истории литературы в одной частной женской школе» [18, с. 99]. По замечанию Миклюкова, его работа в период обучения в университете давала новые возможности для устройства жизни, в том числе и преподавательскую деятельность. Павел Николаевич был яркой исторической фигурой, как ученый он оказал влияние на развитие отечественной исторической науки, являлся лидером кадетской партии, членом IV Государственной думы, министром иностранных дел Временного правительства в 1917 г. [19, с. 126].

Потомок знаменитого дворянского рода Сергей Петрович Раевский, вспоминая о своем отце Петре Ивановиче Раевском (1872–1920), писал, что большинство дворян того времени, окончивших классические гимназии, поступали на юридический факультет университета. Сложнее всего было обучаться на медицинском факультете, который и выбрал Раевский-старший: «Окончив курс университета со званием врача, отец сначала работал в Старо-Екатерининской больнице у Петровских ворот, а затем ординатором клиники Московского университета. В 1903 г. отец успешно защитил диссертацию, удостоенную золотой медали» [20, с. 34]. В последующем Петр Иванович продолжил медицинскую деятельность, открыл вблизи своей усадьбы медицинский пункт и занимался подготовкой фельдшеров из местных крестьян, с 1917 г. он работал главным врачом сыпнотифозного

лазарета в Туле, с октября 1919 г. был заведующим Богородицким медицинским пунктом [20, с. 37].

Вторая половина XIX в. ознаменовалась серьезными изменениями в социально-экономической и общественно-политической сфере. Будучи пока ещё передовым сословием по своей образованности, дворянство главным своим занятием поставило государственную службу, рассматривая ее уже как необходимость, не как свой нравственный сословный долг, а как источник средств к обеспеченному существованию [7, с. 45].

В.А. Оболенский подчеркивал: «Всякий мог поступить на государственную службу, тогда не было перепроизводства интеллигенции и был спрос на чиновников с высшим образованием. Эта рода карьера была для нас молодежи неприемлема. Мы рассуждали так: власть правительства враждебна народу. Поэтому всякий чиновник, находящийся на государственной службе, хотя бы и общепольной, в конечном счете приносит народу вред уже тем, что усиливает правительственную власть» [7, с. 121]. Но несмотря на свои взгляды, Оболенский прочно укрепился именно на государственной службе: «Я решил поступить временно на службу в министерство земледелия, в отдел сельской экономики и сельскохозяйственной статистики, что, как мне казалось, давало мне некоторую подготовку в будущей земско-статистической работе. Поступив сначала в качестве причисленного к министерству, я через несколько месяцев получил штатную должность “младшего редактора”. Моя бюрократическая карьера начиналась блестяще» [7, с. 129]. Затем Владимир Андреевич получил должность земского статистика в Смоленской губернии, а в 1896 г. – ту же должность в Псковской губернии, был заведующим статистическим бюро Орловской губернской земской управы, занимался и общественной деятельностью – был избран в Государственную думу I созыва.

Государственная служба также вначале привлекала внимание Н.Е. Врангеля, мемуарист задумывался поступить в Министерство иностранных дел и сделать дипломатическую карьеру: «Я хотел быть полезным моей Родине» [8, с. 107]. Для этого его дядя, бывший приятелем известного канцлера А.М. Горчакова, хлопотал за него, но и эти связи не помогли при поступлении на службу, и, оставив эту идею и многое перепробовав, Врангель нашел то, что искал.

Противоположное мнение о государственной службе сложилось у военного деятеля, писателя-публициста Григория Дмитриевича Щербачева (1823–1900). Он вспоминал: «Служба батарейным командиром казалась мало привлекательной, хотя в то время она давала хорошие средства к жизни. Заручившись некоторыми рекомендациями, я просил прикомандировать меня в министерство внутренних дел, и был зачислен в число состоявших при военном министерстве». Дмитрий Григорьевич вспоминал о своей деятельности: «По решению крестьянского вопроса, служба моя в министерстве внутренних дел делалась бесцельною, карьера быть чиновником, хотя бы и вице-губернатором, меня нисколько не прельщала, и я стал думать, как бы вновь вернуться на службу в артиллерию» [21, с. 26]. Начал военную карьеру Щербачев в гвардейской конной артиллерии, позже директором орловской военной гимназии, затем долго состоял мещовским уездным предводителем дворянства, позже связал свою жизнь с публицистикой [20, с. 27].

Жалованье становилось главным источником средств существования все большей части служилых дворян. И если еще в середине XIX в. служба дворянства считалась прежде всего нравственным сословным долгом, то к концу столетия подавляющее большинство дворянства относилось к службе только как к источнику существования [6, с. 104]. Многие дворяне, не имея доходов от недвижимости и земельных владений, стремясь поправить свое финансовое положение, вынуждены были искать заработок в разных сферах.

Представитель старинного дворянского рода писатель Казимир Станиславович Баранцевич (1851–1927) поделился описанием тягостного положения семьи, последовавшего за закрытием мастерской, принадлежавшей его матери: «После смерти отца я два года бегал по Петербургу, хлопотал, подавал прощенья, кланялся, просил. Наконец, я поступил в контору одного подрядчика, покуда без определенного жалования. Работы было ужасающее количество, подрядчик имел около 20 построек, содержал по всей губернии почту, владел кирпичными заводами и плитными ломками. В конторе я был у него один, приходил на службу к 9-ти часам утра и уходил в 1 ночи, веснами, когда происходил наем рабочих – то в 6–7 часов утра. Ни праздников, ни воскресений свободных у меня не было. Обращался со мной этот господин чрезвычайно скверно, но уйти от него и нечего было думать,

платил он мне 35 рублей в месяц» [22, с. 115]. Несмотря на многие сложности карьерного пути, публицист имел успех на литературном поприще, его драма была поставлена на сцене Александринского театра, а последующие произведения печатались в известных изданиях того времени: юмористических журналах «Стрекоза» и «Осколки», в газетах «Русские ведомости», «Новости», журналах «Северный вестник», «Русский вестник», «Наблюдатель», «Русское богатство», «Вестник Европы», «Отечественные записки».

Схожее положение было и у коллежского советника и капитана Евгения Александровича Никольского (1869–1938). Его дядя, взяв в долг все денежные сбережения их семьи, так их и не вернул, и Никольскому пришлось бросить учебу в Электротехническом училище Почтово-телеграфного ведомства и вернуться на военную службу. Впоследствии он вспоминал: «Я как можно скорее желал вернуться на военную службу чтобы начать помогать матери, хотя бы немного. При разборе офицерских вакансий я взял вакансию в Свеаборгскую крепостную артиллерию с прикомандированием к 12-му Саперному батальону» [23, с. 26]. Автор связал свою жизнь с военной сферой, имел звания поручика, штабс-капитана, капитана, в разное время был прикомандирован к различным военным полкам, занимался военно-статическими работами при генеральном штабе.

Военная служба для большинства представителей дворянского сословия по-прежнему считалась престижной. До 1874 г. военную службу несли как повинность только крестьяне и мещане. Дворяне же были свободны от обязательной военной службы. Но Воинским уставом 1874 г. были устранены все сословные различия в отбывании воинской повинности, и к отбыванию воинской службы как повинности, было привлечено и дворянское сословие наравне со всеми другими [23, с. 46].

Например, дипломат Ю.Я. Соловьев после окончания Александровского лицея в 1893 г. был принят на службу в качестве причисленного к Азиатскому департаменту Министерства иностранных дел, но затем был направлен отбывать воинскую повинность. Вот как он об этом вспоминал: «К счастью, в департаменте мне пришлось просидеть весьма недолго. Уже через два месяца я был призван отбывать воинскую повинность, для чего переехал в Варшаву, где и пробыл около года вольноопределяющимся в гвардейском уланском полку. Год во-

енной службы был для меня весьма полезен, так как я научился хорошо ездить верхом. Это мне весьма пригодилось во время моей службы на востоке» [24, с. 30].

Освобождение от несения повинности предусматривалось в VI главе Устава: «Об изъятиях, отсрочках и льготах по отправлению воинской повинности», если в семье был единственный способный к труду сын, при недееспособном отце или при матери-вдове [24, с. 8]. Об этой льготе упоминал В.А. Оболенский: «Еще при жизни матери был я, как единственный сын, освобожден от воинской повинности, которая дала бы мне возможность еще на год отсрочить вступление в практическую жизнь» [7, с. 66].

На примере представленных биографий можно утверждать, что даже военное дело, не говоря уже о другой профессиональной деятельности, было для одних результатом многолетней подготовки, начатой еще с юных лет, а для других – вынужденным выбором при определенных обстоятельствах.

Важным элементом успешной карьеры, встречающимся во многих мужских воспоминаниях, было содействие родителей или же наличие необходимых «полезных» связей. Так, например, известный дипломат Александр Петрович Извольский (1856–1919) подчеркивал: «Благодаря содействию и дружбе А.Б. Лобанова-Ростовского, этого выдающийся государственного человека, я быстро прошел первые ступени дипломатической карьеры» [25, с. 25]. В последующем у него была действительно успешная дипломатическая карьера: в 1879 г. исполнял обязанности генерального консула, с 1882 г. был секретарем российской миссии в Бухаресте, с 1885 г. – 1-й секретарь миссии в Вашингтоне, в 1894–1897 гг. – министр-резидент в Ватикане. В 1895 г. А.П. Извольский получил чин действительного статского советника, в 1897 г. он – чрезвычайный посланник и полномочный министр при короле Сербии, после чрезвычайный посланник и полномочный министр при короле Баварии, в 1899–1902 гг. являлся посланником в Японии, а в 1906 по 1910 гг. был министром иностранных дел [25, с. 5].

Беллетрист и писатель Александр Егорович Алеев (1855–1890) упоминал как проступок, совершенный в юности, отразился на его попытках устроиться на должность народного учителя: «Даже должность народного учителя невозможно было получить без свидетельства о политической благонадежности и лишь благодаря содействию одного

доброе человека, с детьми которого я в то время занимался, я получил место канцелярского служителя 1-го разряда в Екатеринославский отдел государственного банка с жалованием в 25 рублей в месяц» [26, с. 326].

Ю.Я. Соловьев вспоминал, как кто-то из друзей его покойных родителей, не спросив его, переговорил о нем с А.Б. Лобановым-Ростовским, и в результате как-то утром в департамент была принесена записка министра, в которой значилось, что Соловьев Ю.Я. назначался на должность второго секретаря миссии в Пекине при Азиатском департаменте: «Сам я не сразу отдал себе отчет в том, какой огромный шаг был неожиданно сделан в начале моей дипломатической карьеры, но в этом я скоро убедился, обнаружив внезапную перемену в отношениях ко мне товарищей по департаменту. В департаменте и в министерстве долго не могли забыть подобного обхода общего порядка получения заграничного назначения» [11, с. 29].

Однако были ситуации, когда ни происхождение кандидата, ни влиятельные знакомства не могли помочь при устройстве на службу. Такой случай приводит Н.Е. Врангель, который желал получить офицерский чин, но необходимый документ об образовании для устройства в полк был иностранного образца. В данных обстоятельствах мемуарист мог быть произведённым в офицеры только в течение двухлетней службы в низших чинах: «Начальство и друзья бросились хлопотать, среди них были влиятельные, но ничего не добились. Так министром иностранных дел можно быть, не имея никакого диплома, даже среднего учебного заведения, а чтобы попасть в корнеты диплом доктора иностранного университета не достаточен» [8, с. 107].

Уже в середине XIX в. в среде делового столичного дворянства такие творческие профессии, как литератор, художник, учитель, музыкант считались нормальными видами деятельности, за которые не грех было получать деньги. Положительная оценка этой сферы деятельности дворянством могла быть также связана с тем, что для сословия самоценны были не деньги, а слава; профессия оценивалась как благородное, высокое поприще [17, с. 182]. Например, упомянутый А.Е. Алеев, попробовав заниматься разной деятельностью, выбрал в итоге публицистическое ремесло. Его произведения печатались в таких крупных изданиях того времени, как «Стрекоза», «Лучь», «Новое

время», «Сын Отечества», «Живописное обозрение», «Дело» [22, с. 327].

Поэт, прозаик, критик и литературовед Борис Александрович Садовской (1881–1952) вспоминал, как с 1910 г. начал жить на свои собственные литературные средства. Затем петербургское издание пригласило его заведовать литературным отделом. А когда в Петербурге открылась новая большая газета, «Было заключено условие с жалованием по 200 рублей в месяц, не считая почасовой платы. В 1913 году я был уже признанным писателем с безукоризненным именем, все редакции открывали перед мной свои двери, а заработок был высоким» [27, с. 164]. Борис Александрович входил в круг писателей-символистов Серебряного века, занимался литературной критикой, сотрудничал с журналами «Весы», «Русская мысль», «Северные записки» [28, с. 334].

Однако и для дворянина служебная деятельность не всегда была столь безоблачной. Им приходилось сталкиваться с разного рода сложностями как при поиске будущей работы, так и при исполнении своих служебных обязанностей.

Ю.Я. Соловьев, отбыв воинскую повинность, вернулся обратно на службу в Азиатский департамент, где работал в политическом столе (архиве) и в славянском столе, которым временно заведовал: «Мне до сих пор памятны мои затруднения при работе в архивах, для которой требовались специальные знания. Архивы содержались в таком порядке или, вернее, беспорядке, который был известен лишь посвященным» [11, с. 28].

А.С. Лукомский, вспоминая о своей шестилетней службе в 11-м Саперном императора Николая I батальоне, отмечал следующее: «В качестве адъютанта саперного батальона, я был привлечен в штаб округа для получения указаний по составлению мобилизационной записки для войсковых частей. Столкнувшись тогда в первый раз с вопросами мобилизационного характера, я увидел, что в этом отношении почти ничего не было подготовлено и что вопросы, касавшиеся подготовки к мобилизации армии, находятся в зачаточном периоде» [13, с. 80].

Во второй половине XIX в. профессиональная специализация постепенно устраняла различия между дворянами и представителями других сословий. Дворянам в связи с особым экономическим положе-

нием пришлось выбрать определенную сферу для трудоустройства. Каждый из представленных авторов в той или иной степени задавался вопросом о своем карьерном пути и выборе будущей профессии. Несмотря на привилегированное положение, мужчинам-дворянам приходилось сталкиваться с разного рода сложностями как при устройстве на службу, так и при выполнении служебных обязанностей. Вопросы профессиональной занятости занимали существенное место среди эмоциональных переживаний представителей первенствующего сословия. На основе материалов изученных биографий можно утверждать, что карьера играла важную роль в жизни дворян того времени. Большая часть воспоминаний отражает описание выбора профессии, сложностей устройства и карьерных изменений.

Список литературы

1. Шатохин И.Т., Шатохина С.Б. Российское дворянство и государственная служба в XIX – начале XX вв. // Научные ведомости. Серия История. Политология. Экономика. Информатика. – 2014. – № 21 (192). – Вып. 32. – С. 106–110.
2. Милешина Н.А. Российское дворянство в XVII – начале XX столетий в контексте трансформации внутрисемейных отношений // Вестн. Челяб. гос. ун-та. – 2010. – № 30 (211). История. – Вып. 42. – С. 5–11.
3. Салищев М.А. Предпринимательская деятельность потомственных дворян Санкт-Петербурга во второй половине XIX – начале XX вв.: автореф. дис. ... канд. ист. наук. – СПб., 2017. – 25 с.
4. Смахтина М.А. Трудовая этика российского поместного дворянства в XIX веке: представления об интеллектуальном и физическом труде (по литературным произведениям и мемуаристике) // Вопр. теории и практики. – 2013. – № 5(31): в 2 ч. Ч. II. – С. 180–183.
5. Жукова А.Е. Центральные учреждения Российского Министерства иностранных дел в 1868–1897 гг., их структура и личный состав // Частное и общественное в повседневной жизни населения России: история и современность: сб. материалов междунар. науч. конф.: в 2 т. / отв. ред. В.А. Веремченко. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2018. – Т. 1. – С. 147–153.
6. Корелин А.П. Дворянство в пореформенной России. 1861–1904 гг. Состав, численность, корпоративная организация. – М.: Наука, 1979. – 303 с.
7. Оболенский В.А. Моя жизнь. Мои современники. – СПб.: Умса-press, 1988. – 754 с.
8. Врангель Н.Е. Воспоминания: (от крепостного права до большевиков). – М.: Слово, 1924. – 512 с.
9. Брусилов А.А. Мои воспоминания. – М.: Гос. изд-во, 1929. – 249 с.
10. Синютин С.С. А.А. Брусилов – полный генерал Русской армии и последний полководец царской России // Вестник РУДН. Сер. История России. – 2014. – № 2. – С. 101–108.
11. Соловьев Ю.Я. Воспоминания дипломата 1893–1922. – М.: Изд-во социал.-экон. лит., 1959. – 413 с.
12. Штейн Б. Вступительная статья // Соловьев Ю. Я. Воспоминания дипломата. 1893–1922. – М.: Изд-во социал.-экон. лит., 1959. – С. 3–19.

13. Лукомский А.С. Очерки из моей жизни // Вопр. истории. – 2001. – № 1. – С. 89–130.
14. Верременко В.А. Дети в дворянских семьях в России (вторая половина XIX – начало XX в.): моногр. – СПб.: ЛГУ им. А.С. Пушкина, 2015. – 204 с.
15. Сухомлинов В.А. Воспоминания. – М.: Гос. изд-во, 1926. – 334 с.
16. Думбадзе В.Д. Генерал-адъютант Владимир Александрович Сухомлинов. – СПб.: Война и мир, 1914. – 113 с.
17. Семенов Н.П. Наше дворянство. – СПб.: Гос. тип., 1898. – 85 с.
18. Милюков П.Н. Из тайников моей памяти. – М.: Эксмо, 2015. – 960 с.
19. Волкова Н.К. П.Н. Милюков: историк, политик // Вестн. Рос. ун-та кооперации. – 2015. – № 2 (20). – С. 126–134.
20. Раевский С.П. Пять веков Раевских. – М.: Вагриус, 2005. – 592 с.
21. Щербачев Г.Д. Очерки моей деятельности в царствование Александра II: из воспоминаний Г. Д. Щербачева. – М.: Унив. тип., 1891. – 108 с.
22. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых (От начала русской образованности до наших дней). – СПб.: Семеновская тип., 1889. Т. I. – 1200 с.
23. Никольский Е.А. Записки о прошлом. – М.: Рус. путь, 2007. – 286 с.
24. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 2-е. Т. 49. Устав о воинской повинности. – СПб., 1874. Т. 49. Огд. 1. № 52983.
25. Извольский А.П. Воспоминания. – М.: Петроград, 1924. – 193 с.
26. Критико-биографический словарь русских писателей и ученых. Т. VI. С алфавитным указателем ко всем VI томам. – СПб.: Тип. М.М. Стасюлевича, 1897–1904. Т. 6. – 478 с.
27. Садовской Б.А. Записки (1881–1916) // Российский архив: История Отечества в свидетельствах и документах XVIII–XX вв. – М.: Студия ТРИТЭ, 1994. – Т. 1. – С. 106–183.
28. Гущина Л.И. Духовно-творческий путь Бориса Садовского // Карповские чт.: сб. ст. Всерос. науч.-практ. конф. – ННГУ им. Н.И. Лобачевского, 2017. – Вып. 7. – С. 333–339.

References

1. *SHatohin I.T., SHatohina S.B. Rossijskoe dvoryanstvo i gosudarstvennaya sluzhba v XIX – nachale XX vv.* [Russian nobility and public service in the 19th – early 20th centuries] // *Nauchnye vedomosti. Seriya Istoriya. Politologiya. Ekonomika. Informatika* [Scientific statements. Series History. Political science. Economy. Informatics]. – 2014. – № 21 (192). Vyp. 32. – P. 106–110.
2. *Mileshina N.A. Rossijskoe dvoryanstvo v XVII – nachala XX stoletij v kontekste transformacii vnutrisemejnyh otnoshenij* [Russian nobility in the 17th – early 20th centuries in the context of the transformation of intrafamily relations] // *Vestnik CHelyabinskogo gosudarstvennogo universiteta* [Bulletin of the Chelyabinsk State University]. – 2010. – № 30 (211). Istoriya. – Vyp. 42. – P. 5–11.
3. *Salishchev M.A. Predprinimatel'skaya deyatel'nost' potomstvennyh dvoryan Sankt-Peterburga vo vtoroj polovine XIX – nachale XX vv.* [Entrepreneurial activity of the hereditary nobles of St. Petersburg in the second half of the XIX – early XX centuries]: avtoref. dis. ... kandidata istoricheskikh nauk. SPb., 2017. – 25 p.
4. *Smahtina M.A. Trudovaya etika rossijskogo pomestnogo dvoryanstva v XIX veke: predstavleniya ob intellektual'nom i fizicheskom trude (po literaturnym proizvedeniyam i memuaristike)* [Work ethics of the Russian local nobility in the 19th century: ideas about intellectual and physical labor (based on literary works and memoirs)] //

Voprosy teorii i praktiki [Questions of theory and practice]. – 2013. – № 5 (31): v 2-h ch. CH. II. – P. 180–183.

5. ZHukova A.E. *Central'nye uchrezhdeniya Rossijskogo Ministerstva inostrannyh del v 1868–1897 gg., ih struktura i lichnyj sostav* [Headquarters of the Russian Ministry of Foreign Affairs in 1868-1897, their structure and personnel] // *CHastnoe i obshchestvennoe v povsednevnoj zhizni naseleniya Rossii: istoriya i sovremennost'. materialy mezhdunarodnoj nauchnoj konferencii: v 2 tomah* [Private and public in the everyday life of the population of Russia: history and modernity. materials of the international scientific conference: in 2 volumes]. – 2018. – P. 147–153.

6. Korelin A.P. *Dvoryanstvo v poreformennoj Rossii 1861–1904* [The nobility in post-reform Russia 1861–1904]. – M.: Nauka. 1979. – 303 p.

7. Obolenskij V.A. *Moya zhizn'. Moi sovremenniki* [My life. My contemporaries]. – SPb.: Ymca-press, 1988. – 754 p.

8. Vrangeli' N.E. *Vospominaniya: (ot krepostnogo prava do bol'shevikov)* [Memoirs: (from serfdom to the Bolsheviks)]. – M.: Slovo, 1924. – 512 p.

9. Brusilov A.A. *Moi vospominaniya* [My memories]. – M.: State Publishing House, 1929. – 249 p.

10. Sinyutin S.S. A.A. *Brusilov – polnyj general Russkoj armii i poslednij polkovodec carskoj Rossii* [A.A. Brusilov - full general of the Russian army and the last commander of tsarist Russia] // *Vestnik RUDN, seriya Istoriya Rossii* [RUDN Bulletin, History of Russia series]. – 2014. – № 2. – P. 101–108.

11. Solov'ev YU. YA. *Vospominaniya diplomata 1893–1922* [Memoirs of a Diplomat 1893–1922.]. – M.: Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury, 1959. – 413 p.

12. SHtejn B. *Vstupitel'naya stat'ya // Solov'ev YU. YA. Vospominaniya diplomata. 1893–1922* [Introductory article // Soloviev Yu. Ya. Memoirs of a diplomat. 1893–1922]. – M.: Izdatel'stvo social'no-ekonomicheskoy literatury, 1959. – P. 3–19.

13. Lukomskij A.S. *Ocherki iz moej zhizni* [Sketches from my life] // *Voprosy istorii* [History questions]. – 2001. – №1. – P. 89–130.

14. Veremenko V.A. *Deti v dvoryanskikh sem'yah v Rossii (vtoraya polovina XIX – nachalo XX v.) monogr.* [Children in noble families in Russia (second half of the 19th - early 20th century) monograph]. – SPb.: LGU im. A.S. Pushkina, 2015. – 204 p.

15. Suhomlinov V.A. *Vospominaniya* [Memories]. – M.: Gos. izd-vo, 1926. – 334 p.

16. Dumbadze V.D. *General-ad'yutant Vladimir Aleksandrovich Suhomlinov* [Adjutant General Vladimir Alexandrovich Sukhomlinov]. – SPb.: Vojna i mir, 1914. – 113 p.

17. Semenov N.P. *Nashe dvoryanstvo* [Our nobility]. – SPb.: Gosudarstvennaya tipografiya, 1898. – 85 p.

18. Milyukov P.N. *Iz tajnikov moej pamyati* [From the hiding places of my memory]. – M.: Eksmo, 2015. – 960 p.

19. Volkova N.K. P.N. *Milyukov: istorik, politik* [P.N. Milyukov: historian, politician] // *Vestnik Rossijskogo universiteta kooperacii* [Bulletin of the Russian University of Cooperation]. – 2015. – №2 (20). – P. 126–134.

20. Raevskij S.P. *Pyat' vekov Raevskih* [Five centuries of Raevsky]. – M.: Vagrius, 2005. – 592 p.

21. SHCHerbachev G.D. *Ocherki moej deyatel'nosti v carstvovanie Aleksandra II: iz vospominanij G. D. SHCHerbacheva* [Essays on my activities during the reign of Alexander II: from the memoirs of G. D. Shcherbachev]. – M.: Univ. tip., 1891. – 108 p.

22. *Kritiko-biograficheskij slovar' russkih pisatelej i uchenyh (Ot nachala russkoj obrazovannosti do nashih dnejj)* [Critical-biographical dictionary of Russian writers and scientists (From the beginning of Russian education to the present day)]. – SPb.: Semenovskaya tipografiya, 1889. T. I. – 1200 p.

23. *Nicol'skij E.A. Zapiski o proshlom* [Notes about the past]. – M.: Russkij put', 2007. – 286 p.
24. *Polnoe sobranie zakonov Rossijskoj imperii. Sobranie 2-e. T. 49. Ustav o voinskoj povinnosti* [Complete collection of laws of the Russian Empire. Collection 2. T. 49. Charter on military service]. – SPb., 1874. T. 49. Ogd. 1. № 52983.
25. *Izvol'skij A.P. Vospominaniya* [Memories]. – M.: Petrograd, 1924. – 193 p.
26. *Kritiko-biograficheskij slovar' russkih pisatelej i uchenyh. Tom VI. S alfavitnym ukazatelem ko vsem VI tomam* [Critical-biographical dictionary of Russian writers and scientists. Volume VI. With an alphabetical index to all VI volumes]. – SPb.: Tipografiya M.M. Stasyulevicha, 1897–1904. T. 6. – 478 p.
27. *Sadovskoj B.A. Zapiski (1881–1916) [Notes (1881–1916)] // Rossijskij Arhiv: Istorija Otechestva v svidetel'stvah i dokumentah XVIII–XX vv.* [Russian Archives: History of the Fatherland in the Evidence and Documents of the 18th-20th Centuries]. – M.: Studiya TRITE, 1994. T. 1. – P. 106–183.
28. *Gushchina L.I. Duhovno-tvorcheskij pust' Borisa Sadovskogo* [Spiritual and creative let Boris Sadovsky] // *Karpovskie chteniya. sbornik statej Vserossijskoj nauchno-prakticheskoi konferencii* [Karpov readings. collection of articles of the All-Russian scientific-practical conference]. – 2017. – Vyp. 7. – P. 333–339.